

УДК 910.4
ББК 26.89(0)
Х-35

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Хейердал, Тур.

Х-35 Мальдивская загадка / Пер. с норвежского яз. Л.Л.Жданов. — М. : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — *(Дневник путешественника)*.

ISBN 978-5-17-123408-9

До середины XX века никто из европейских археологов не вел раскопки на Мальдивах и эта страна оставалась terra incognita даже для своих собственных жителей. Но норвежский исследователь Тур Хейердал начинает новое приключение — он проникает в джунгли пустынного атолла Гааф-Гана и открывает руины ступенчатой, ориентированной по солнцу каменной пирамиды, стены которой покрыты соляными символами. Как она здесь оказалась? Кто ее построил? Кто жил на острове в незапамятные времена? Эти и другие ответы в книге бесстрашного путешественника «Мальдивская загадка».

**УДК 910.4
ББК 26.89(0)**

ISBN 978-5-17-123408-9

© Gyldendal Norsk Forlag AS, 2021
© Л.Л.Жданов, наследники, перевод на русский язык, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава I

Тайна тысячи островов

Погребенные скульптуры
и жертвоприношение девственниц

Из старых мешков на красный ковер президентского дворца высыпались комья черной земли и зеленого мха, а следом за ними покатались прибывшие прямо из джунглей, одетые лишайником тяжелые камни.

Сановники, наблюдавшие необычную сцену, округлили глаза, и без того увеличенные стеклами очков. Его превосходительство Маумун Абдул Гайюм — президент молодой Мальдивской Республики не скрывал своего восхищения, как и почтительно стоявшие рядом с ним высокопоставленные чиновники в темных костюмах. Зато солдаты, которые принесли мешки, и озадаченные служители испуганно попятнулись. Никогда еще среди изящного дворцового интерьера не появлялись такие вещи, да и в собственные лачуги эти люди ни за что не стали бы их вносить.

Перед нами на ковре лежали поврежденные эрозией известняковые блоки. Когда-то аккуратно высеченные из слагающей острова белой коренной породы, они успели

потемнеть от времени, но на одной из граней под слоем лишайника все еще отчетливо выделялось рельефное изображение. Выпуклость на обратной стороне свидетельствовала, что эти камни вставлялись в стену.

Детали резьбы выступали над плоскостью примерно на толщину пальца. Особенно впечатляли большие — с суповую тарелку солнечные символы. Изображающий солнце круг обрамляли кольца, одно шире другого. Классическое изображение солнечного божества у всех солнцепоклонников со времен древнейших цивилизаций Месопотамии и Египта. Некоторые камни были отделаны с большим изяществом, по бокам солнца высечены крылья, образуя узор, напоминающий эмблему современной авиакомпании. Крылатое солнце тоже типичный мотив древнего искусства Египта и Месопотамии.

Два-три камня заметно выделялись более сложным оформлением. Ряд отдельно стоящих солнечных цветков чередовался с рельефным символом, в котором вертикальные полосы сочетались с тремя выстроенными по вертикали точками, примерно так изображались числа в письменности майя. Выше этого ряда по краю камня тянулась широкая кайма с мотивом лотоса. Солнечный цветок — еще одно изображение, характерное для древних солнцепоклонников, а лотос символизировал восход у народов, населявших обширную территорию от Египта поры фараонов до Месопотамии и Древней Индии.

Было очевидно, что нами найдены вещи, каких никто не ожидал увидеть на островах посреди Индийского океана. Сами островитяне признавали, что никогда не видели ничего подобного. Они верны исламу. Все жители Мальдивского архипелага мусульмане, их предки больше восьми веков исповедовали ислам, с тех самых пор, как в 583 году по мусульманскому календарю, то есть в 1153 году н. э., тогдашний султан указом утвердил здесь эту религию, после чего никто из жителей архипелага не решился бы вырезать такие мотивы. И ведь всякий, кто теперь захочет поселиться на Мальдивах, обязан принять мусульманскую веру.

Тем не менее мы, едва прибыв на Мальдивы, натолкнулись на камни с декором. Правда, их не так-то просто было отыскать под слоем мха среди джунглей. Блоки с рельефными изображениями были нами обнаружены на

необитаемом острове в крайней южной части длинной цепочки атоллов, предельно далеко от главного острова республики Мале и всех туристских маршрутов. В столицу мы доставили лишь некоторые образчики того, что таили в своих недрах джунгли. Сначала привезли их в маленький столичный музей мусульманских реликвий, но президент пожелал лично ознакомиться с ними в своем дворце. Он принял нас очень любезно, с достоинством воспринял появление грязных мешков, когда же узрел их содержимое, просиял, словно мальчуган при виде подарков Деда Мороза. Медленно поднявшись с кресла, он гордо произнес:

— Конечно, наша республика молода. Но теперь мы получили доказательства, что и у нас, как у наших соседей на материке, есть древняя история!

Камни остались лежать на красном ковре, когда мы покинули дворец. Солдаты должны были отнести их обратно в единственный на Мальдивах музей, где этим реликвиям предстояло на время укрыться в каком-нибудь закутке, ибо они никак не совмещались с экспонатами, представляющими искусство и историю мусульман. Я же унес с собой из дворца выполненную из слоновой кости великолепную модель мальдивской парусной дхони и личное приглашение президента организовать первые археологические раскопки в государстве на архипелаге, насчитывающем около 1200 островов.

Приняв освежающий душ, я прилег на кровать в номере маленькой гостиницы неподалеку от дворца. Впрочем, на крохотном островке Мале все находится рядом.

Я было запустил вентилятор под потолком, но тут же выключил его: шум мешал думать. А думать было необходимо, хотя голова совсем не хотела работать в этом благодатном тропическом климате. Солнце, море, белый песок и кокосовые пальмы за окном манили предаться сладостному отдыху, не заботясь ни о чем, кроме радостей жизни. Тем не менее я призвал к порядку свой разгоряченный мозг, чтобы осмыслить в целом достаточно ясную ситуацию. Еще какой-нибудь месяц назад у меня было самое смутное представление о Мальдивах. На прошлой неделе я впервые прибыл в эту страну и провел сутки в той же самой гостинице, после чего мы с Бьёрном Бюэ отправились на южные атоллы. Теперь вот снова вернулись в Мале, и, пока из дворца в музей несут пять

тяжелых камней в грязных мешках, а еще одиннадцать образцов находятся в пути на главный остров, я, лежа на знакомой кровати, размышляю над неожиданным предложением президента республики попытаться восстановить забытое прошлое его страны.

Есть отчего прийти в замешательство.

Вот именно, ведь я практически ничего не знаю об этой стране. Меня привела сюда чистая случайность, и я просто не успел подготовиться. Уж, наверное, прибывающие в аэропорт по соседству с Мале обычные туристы, вооруженные путеводителями на своем родном языке, подготовлены лучше, чем я. До прошлой недели эти острова были для меня лишь точками на карте океана с такими странными названиями, что я и читал-то их не без труда. Я не знал местного языка — дивехи. Мне ничего не говорили необычные знаки здешней письменности. Больше всего они напоминали мне мелко нарезанные полоски спагетти. Мальдивцы называют эти знаки габули тана или тана акуру и едят их справа налево.

Так мне ли браться за осмысленный поиск неизвестных этим людям сведений об их собственных предках?

И где искать, на каком из 1200 островов?

По совести, это задача для человека, лучше меня знающего здешние обстоятельства.

Но в то же время до чего увлекательная задача... Эта страна среди океана член Организации Объединенных Наций, а между тем никто не знает, как она возникла. Еще ни один археолог не исследовал эти острова — слишком удалены они от всех материков.

Правда, у меня было одно преимущество. Я кое-что знал о древнем мореходстве. Нам потому и удалось найти эти камни. Я сознательно искал гам, где, скорее всего, могли пристать первобытные суда. Слишком долго господствовало воззрение, будто мореплаватели доевропейских цивилизаций предпочитали держаться берега континентов, потому что боялись заблудиться в открытом море. И потому что суда их не годились для серьезных плаваний. Однако за последние годы я испытал со своими друзьями разные типы древних судов и пересек на них три океана. Во время последнего эксперимента, пройдя на камышовой ладье «Тигрис» от бывшей Месопотамии к долине Инда, мы вполне могли продолжить

плавание на юг вдоль берегов Индии и дойти до Мальдивов. Вместо этого мы предпочли идти через Индийский океан в Африку. Именно этот эксперимент побудил мальдивцев зазвать меня теперь в их страну. Они не верили, что доевропейские мореходы плавали только вдоль берегов. Они знали, что их собственные предки пересекли океанские просторы в доевропейскую эпоху. Не знали только откуда.

Кроме того, мальдивцам было известно, что следом за первопоселенцами на острова прибыли арабские мореплаватели — и тоже за много веков до того, как вышел в океан Колумб. Документированная история Мальдивов берет свое начало в XII веке н. э., она запечатлена знаками их письма на медных листах старинных книг, из коих явствует, что ислам был введен здесь в 1153 году арабскими мореходами. И вот теперь мы обнаружили в мальдивских лесах камни с резными узорами — памятники народа, который приплыл на здешние острова до арабов и поклонялся не Аллаху, а солнцу.

Президент был прав. Мальдивская Республика молода — последний самодержавный султан уступил место демократическому правительству в 1968 году. Однако эти скромные островитяне, опираясь на письменные источники, могли кое-чему научить мир на примере восьми с лишним веков своей мирной истории. Все, что было до того, оставалось девственной почвой, ожидающей исследователя.

Если я возьмусь за исследование, придется начинать с азов. Прежде всего, ознакомиться с тем, что уже известно другим. При этом у меня есть определенное преимущество — здравая гипотеза, указавшая мне прямой путь к камням, которые мальдивцы сейчас несли в свой музей. Разумеется, в пестром потоке посещающих Мальдивы туристов были и ученые. Туристы приезжали в роли этаких современных солнцепоклонников. Ученые изучали жизнь местного населения и сообщали о своих наблюдениях. Но среди них не было ни одного профессионального археолога. Я быстро выяснил, что в недалеком прошлом несколько энтузиастов поработали киркой и лопатой, однако их почин не был развит представителями современной науки.

Гул реактивного самолета привлек меня к окну. Исполнин XX века приземлялся на узкой летной полосе, которую приверженцы ислама недавно пристроили к сосед-

нему с Мале островку. Немецкие, итальянские и шведские туристы спускались по трапу, направляясь в маленькое здание аэропорта. Пока что другие нации вроде бы не открыли для себя этот лучезарный рай. И вряд ли кто-либо из прибывших гостей появится на Мале или на каком-нибудь другом острове, населенном мальдивцами. Поставщикам валюты власти отвели солнечные пляжи соседних атоллов, где сохранились необитаемые острова. Похоже, что солнце издревле привлекало людей на Мальдивский архипелаг. Даже в доисторические времена. Нашли же мы развалины солнечного храма, причем на нужный остров нас привело само солнце. Да-да, само светило указало нам кратчайший путь к солнечному храму. Хотя вообще-то не оно, а письмо со штемпелем авиапочты привело меня на Мальдивы. Чуть больше месяца назад, когда Мальдивские острова были для меня всего лишь точками на карте, я обнаружил в своем почтовом ящике плотный конверт с экзотическими марками Шри-Ланки. С этого все и началось.

В конверте лежала большая фотография. Я полагал, что увижу красочные снимки шри-ланкийских пляжей и пальм, но меня ждал сюрприз. На черно-белой фотографии — торчащие из земли голова и плечи крупной каменной скульптуры. Голова была искусно изваяна и хорошо сохранилась. Приветливое, чуть улыбающееся лицо, и одна особенность, которая тотчас привлекла мое внимание, — уши. Мочки ушей свисали до складок плаща на плечах изваяния. И хотя скульптура изображала мужчину, курчавые волосы, похоже, были собраны в пучок на макушке.

Каменное изваяние мужчины с удлиненными ушами и пучком волос. Меня охватило волнение. Что это, как не повторение загадки острова Пасхи, которая много лет не давала мне покоя! На Пасхе вот так же стоят сотни огромных каменных бюстов, изображающих мужчин с висящими до плеч мочками ушей и с пучком волос на макушке. Конечно, тамошние изображения достаточно условны. Изваяние на фотографии выглядело более реалистично. И все же, если снимок сделан не слишком далеко от Пасхи, если расстояние допускает связи по морю, можно предположить некое родство древних скульпторов, изваявших эти бюсты.

Горя нетерпением узнать, где снята фотография, я развернул приложенное к ней письмо. Оно и впрямь было

отправлено со Шри-Ланки, но снимок сделан на одном из атоллов Мальдивского архипелага.

Какие уж тут связи! Мальдивские острова находятся по ту сторону планеты, от Пасхи их отделяет половина окружности земного шара.

Вспомнив, как мы на «Тигресе» обсуждали, не пойти ли нам от устья Инда через океан на юг, к Мальдивским островам, я снял с полки глобус и отыскал Мальдивы. Ну да, как я и думал. Остров Пасхи и Мальдивский архипелаг — антиподы. Их разделяют 180 градусов долготы, как раз половина земной окружности. Зато от Мальдивов до долины Инда ближе, чем от Пасхи до Перу. Древние ваятели могли принести на Мальдивы обычай удлинять мочки ушей из континентальной Азии, где он существовал в приморье со времен Индской цивилизации. Пасхальцы заимствовали его из Перу, там этот обычай был распространен среди инков.

Никакой связи. Уложу-ка я лучше чемодан: завтра мне лететь через Америку в Японию.

Однако мысль о длинноухой статуе не давала покоя. Я снова взял фотографию и внимательно перечитал письмо. Оно было подписано незнакомым мне человеком: Бьёрн Руар Бюэ, директор Международного фонда «Уорлдвью», с главным правлением в Коломбо, столице Шри-Ланки. Когда я учился в школе, Шри-Ланка именовалась Цейлоном. Фонд «Уорлдвью» был мне известен: я сам записался в его члены, поскольку деятельность фонда направлена на лучшее взаимопонимание между экономически развитыми и развивающимися странами. «Уорлдвью» обучал студентов из так называемого третьего мира съемке видеофильмов для показа в индустриальных странах. У обеих сторон есть чем поделиться друг с другом. Некогда связи при помощи древних судов способствовали развитию первых цивилизаций. Мы и теперь можем многому поучиться у простых общин, пока не вытеснили их совсем.

Из письма следовало, что Бьёрн Бюэ только что побывал на Мальдивах, чтобы учредить там местный филиал своего фонда. Снимок ему показал один чиновник, когда увидел, что я значусь в списке членов «Уорлдвью». Мальдивцы внимательно следили за плаванием «Тигриса», надеясь, что камышовая ладья придет на их архипелаг. Недавно житель одного маленького атолла обнаружил это каменное изваяние,

и упомянутый выше чиновник подумал, что не мешает послать мне фотографию, может быть, она склонит меня приехать и поискать ответ на загадку, которая кроется за этим свидетельством древнего мореплавания.

Я вернулся к снимку. Похоже на изображение Будды. У Будды как раз были такие удлиненные мочки. Именно он и его последователи широко распространили этот обычай в странах Азии.

Будда родился в VI веке до н. э. Но не он положил начало упомянутому обычаю. В некоторых областях Индии задолго до его рождения у знати было заведено растягивать мочки ушей. Будда-эпитет действительно жившего человека, индийского принца Сиддхартхи Гаутамы. Он принадлежал к аристократическому роду, в котором свято блюли давнюю традицию продырявливать мочки и удлинять их тяжелыми затычками. И традиция эта старше самой индийской аристократии: множество больших затычек вроде тех, какими пользовались знатные инки и «длинноухие» острова Пасхи, недавно раскопано в Лотхале — портовом городе древней цивилизации долины Инда.

Считать ли чистым совпадением, что далекие острова в океане, вроде Мальдивов и Пасхи, были открыты и заселены мореплавателями, чьи боги и представители знати украшали мочки ушей широкими дисками? Может быть, это и впрямь совпадение. А может быть, и нет, ведь речь идет о мигрирующих группах весьма искусных мореходов, о чем свидетельствуют их океанские плавания.

Во всяком случае, независимо от того, кого изображала статуя на снимке Будду или кого-нибудь из его длинноухих предшественников, — было ясно, что этот бюст изваян до того, как с утверждением ислама на Мальдивах был введен строжайший запрет на любые изображения человека. К тому же на фотографии статуя почти до плеч уходит в грунт — остается только гадать, что еще могут показать раскопки?.. Я продолжал восстанавливать в памяти ход событий. Минула всего неделя, как я впервые прибыл на Мальдивы. И каких-нибудь пять недель с тех пор, как получил загадочный снимок. В тот момент я собирался в дорогу, на руках у меня был авиабилет до Японии. Где уж тут заниматься подготовкой к визиту на Мальдивы. Я попросил одного из своих друзей ответить за меня директору «Уорлдвью». Сообщить, что я

готов сразу после конгресса в Японии лететь на Мальдивы через Бангкок, если там меня встретят и объяснят, как действовать дальше.

Не могу сказать, чтобы я чувствовал себя очень уверенно, когда, прилетев, наконец, в Бангкок, прошел через таможенную и паспортный контроль. Все это время я не получал больше никаких известий с Мальдивов. Однако в зале аэропорта я увидел кинооператора, с которым относительно недавно встречался в Осло. Пожимая мне руку, Найл Холлэндер, коротыш с пышной бородой и большими очками, заверил меня, что с поездкой на Мальдивы все улажено. Он сам направлялся туда, чтобы отснять характерные для Мальдивов лодки дхони. Высокий изогнутый нос этих лодок заканчивался подобием веера, как у папирусных ладей Древнего Египта. Вообще Найл задумал снять в Азии документальный фильм о последних в мире людях, чья жизнь всецело связана с парусными судами, и теперь он вызвался сопровождать меня на Мальдивы. На другой день мы вместе вылетели в Шри-Ланку.

В столице Шри-Ланки, Коломбо, нас встретил другой бородач. С ним я не был знаком. Высокий, широкоплечий, голубоглазый, он провел нас через все аэропортовские препоны, сочетая нахрап викинга с кроткой улыбкой миссионера. Норвежец Бьёрн Руар Бюэ явно чувствовал себя как дома в тропических широтах и сумбуре аэропорта. Прибыв в Шри-Ланку из Норвегии как представитель протестантской Миссии, он, благодаря знанию местного языка и обычаев, в конце концов, перешел в «Уорлдвью» и возглавил управление фонда. В число его обязанностей входило руководство всем, что касалось киносъемок.

Бьёрн весело рассмеялся, когда я поблагодарил его за фотографию, которая заманила меня в этот уголок земного шара. Из аэропорта через шумный тропический город Коломбо он повез меня к себе домой. Найл взял курс на маленькую гостиницу, где ему предстояло соединиться с двумя другими участниками киноэкспедиции на Мальдивы.

Дома у Бьёрна и Греты Бюэ я услышал первые лекции о Мальдивах. Но сперва мы совершили вылазку в город за картой. В невзрачном магазинчике, поместившемся в старой развалюхе, мы нашли последнюю во всем Коломбо навигационную карту Мальдивов и, торжествуя, вернулись с этим

сокровищем в бунгало Бьёрна, где уже собралась куча желающих познакомиться со мной. Работа в «Уорлдвью» обеспечила Бьёрна Бюэ обширнейшими знакомствами в местных кругах. Представляя мне одного из гостей, Бьёрн пояснил, что он располагает важной информацией. Звали гостя Роланд Сильва, высокий джентльмен с аристократической внешностью, он возглавлял на Шри-Ланке археологическую службу, побывал и на Мальдивах. В прошлом архитектор, Сильва со временем увлекся археологией и теперь руководил программой ЮНЕСКО по раскопкам и реставрации трех наиболее важных исторических объектов Шри-Ланки — огромных буддийских храмов в так называемом археологическом треугольнике.

Я рассказал, что собираюсь выкопать каменное изваяние на Мальдивах. Услышанное в ответ потрясло меня.

Боюсь, эта статуя уже выкопана и разбита, — сказал Роланд Сильва. — Жители Мальдивов — фанатичные мусульмане, они не терпят ничего, что запрещено Кораном. Не признают собственной истории своего народа до введения ислама.

Я узнал от него, что шри-ланкийские археологи давно мечтают провести раскопки на Мальдивах, но кто же даст им, буддистам, разрешение. Мальдивские власти решат, что их интересуют буддийские памятники. О мальдивцах как о народе Роланд Сильва мог сказать только хорошее, но во всем, что касается религии, они упрямы и несговорчивы.

Я раскрыл купленную нами карту Мальдивов. Сильва согласился, что архипелаг лежит как раз на пути мореплавателей, желавших обогнуть южную оконечность Азии. Пролив шириной 40 миль, отделяющий Индию от Цейлона, то бишь Шри-Ланки, опасен из-за обилия рифов и отмелей. Огибая Индийский субконтинент, парусные суда должны были спускаться на юг достаточно далеко, чтобы миновать также Шри-Ланку, а тогда им неизбежно следовало искать проход в длинной цепочке Мальдивских островов. На обычной карте цепочка эта выглядит как россыпь безобидных зернышек, подробная навигационная карта рисует совсем другую картину. Моим глазам предстала весьма коварная преграда. Никакой адмирал не смог бы выбрать лучшей позиции для минного поля, чтобы перекрыть морские пути южнее этой оконечности Азии. На 600 миль с севера на юг из пучин

Индийского океана вздымается вверх острый горный хребет. На поверхности моря он увенчан коралловыми рифами, песчаными отмелями и двумя рядами атоллов. Этот двойной барьер сулит большие неприятности мореплавателям. Острова так незначительно выступают над водой, что, не будь кокосовых пальм, они оставались бы невидимыми до той минуты, когда судно окажется во власти прибоя. И только в южной оконечности длинной коралловой баррикады открываются два пролива, допускающие безопасное сообщение между западным и восточным побережьем полуострова Индостан.

Чем больше смотрел я на эту карту, тем сильнее манили меня острова, занимающие столь важное положение. Независимо от того, уцелела статуя или нет, хотелось своими глазами увидеть, что на них скрывается. Понимая это, Роланд Сильва дал мне почитать очень ценную давнюю публикацию о Мальдивах. И так как другого экземпляра в Коломбо не оказалось, он разрешил мне снять фотокопию. На Мальдивах, подчеркнул он, я вряд ли найду этот материал.

Составил публикацию бывший британский комиссар на Цейлоне Г. С. П. Белл. Первый раз он попал на Мальдивы в 1879 году в результате кораблекрушения. Из предисловия явствует, что Белл затем дважды побывал на архипелаге, выполняя поручение цейлонского правительства «исследовать существование в прошлом буддизма на этих островах». При таком задании ему приходилось действовать чрезвычайно осторожно, чтобы не задеть религиозные чувства мусульман. Белл раскопал несколько курганов, которые определил как остатки разрушенных дагоб¹ или ступ², напоминающих буддийские храмы Цейлона.

Словом, на Мальдивах, несомненно, было что искать. По-настоящему, методы раскопок Белла оставляли желать лучшего. За пределами Шри-Ланки мало кто читал его отчеты, и почин не был подхвачен профессиональными археологами. Тем не менее, записи услышанного от островитян и собственные

¹ Дагоба — монолитное полусферическое сооружение, установленное на квадратной или круглой платформе. Разновидность буддийской ступы. Так же означает специальную камеру в ступе, предназначенную для хранения священных реликвий.

² Ступа — в перев. со санскрита «макушка, куча земли, камней, земляной холм» — культовое буддийское архитектурно-скульптурное сооружение полусферической формы. Поначалу служило реликварием.

наблюдения Белла могли стать великим подспорьем для всякого, кто, подобно нам, надеялся организовать исследования на Мальдивах.

И еще один интересный труд привлек мое внимание — только что вышедшая из печати книга Кларенса Мэлони «Народ Мальдивских островов». Правда, в ней речь шла не о прошлом архипелага, а о современных мальдивцах. Но доктор Мэлони, сотрудник Пенсильванского университета, был профессиональный антрополог, специалист по народам Южной Азии. Это позволило ему высказать примечательные суждения о происхождении мальдивского языка дивехи. В некоторых словах дивехи он усматривает родство с санскритом и иными древними языками Северной Индии, другие связывает с языками Южной Индии и Шри-Ланки.

Хотя Мэлони, естественно, не мог знать об открытии длинноухого изваяния, его, тем не менее, заинтриговало большое разнообразие физического типа людей, живущих бок о бок на океанских островах, а также комплексное происхождение их языка. Наблюдения над современными мальдивцами навели его на такое заключение: «...следует быть готовым к тому, что история мальдивской культуры окажется более сложной, чем принято думать». Мэлони допускал, что в доисторические времена на эти далекие острова могли быть представители разных народов.

Сказано яснее ясного. И если можно сделать такой вывод, даже не копнув землю, уж, наверно, есть смысл провести на Мальдивах археологические раскопки. Правда, Мэлони смотрел на это менее оптимистически, чем Белл: «Археологические исследования древней истории этих островов не производились, да это вообще затруднительно, учитывая состав грунта — коралловый песок и высокий уровень грунтовых вод».

И, похвально отзываясь о современных мальдивцах, он все же делал оговорки: «Полевые антропологические исследования на Мальдивах сопряжены с утомительными переездами, а также с трудностями в получении доступа на многочисленные мелкие островки, чье население по традиции недоброжелательно относится к иноземцам, и в налаживании контакта с чрезвычайно консервативным обществом, приверженным строгим исламским идеалам».

Эти слова, как и новость, которую сообщил мне Роланд Сильва, не очень-то обнадеживали. Но теперь ничто не могло

меня остановить. И вообще, если бы мальдивцы не желали, чтобы я приехал производить раскопки, почему же они попросили Бьёрна переслать мне фотографию длинноухого изваяния?

Три дня спустя мы увидели Мальдивы с воздуха, и точки на карте, как говорится, ожили. Из иллюминатора они смотрелись, точно разложенные на синем бархате нефритовые ожерелья и изумрудные броши. Безбрежный Индийский океан под нами отливал особой синью, присущей морской пучине, когда она отражает безоблачное тропическое небо. Солнце стояло у нас прямо над головой, и острова лучились яркой зеленью сплошного полога пальмовых крон. Каждый островок был драгоценным камнем в оправе из золотистого пляжного песка, и широкое кольцо бутылочно-зеленой воды обрамляло цепочку коралловых рифов, исполинским грибом вздымающуюся из бездонной синевы. Уже теперь одно было совершенно очевидно: Мальдивский архипелаг — подлинное украшение лика нашей планеты.

Рокочущий воздушный лайнер был битком набит организованными группами бледнолицых европейцев, которые толкались у иллюминаторов, чтобы хоть одним глазком взглянуть на несравненную картину великолепия природы. Да и я уже не был одинок в своем путешествии. Кроме Найла и его товарищей-кинооператоров, со мной летели Бьёрн и два шри-ланкийских студента, приглашенных им в расчете на то, что они найдут сюжеты для учебных съемок.

Вот скользнул назад под нами первый остров, приближаясь, вырос второй. Показалась узкая посадочная полоса в обрамлении морской воды. Рядом, на краю той же тихой лагуны, весь в зеленых садах — остров Мале с одноименным городом. Легкий толчок возвестил, что мы приземлились в Мальдивской Республике, древней обители народа неизвестного происхождения, а в наши дни — развивающейся стране с населением около 160 тысяч правоверных мусульман.

Мы явились гостями на земли древнейшей цивилизации, со своей собственной письменностью. Ныне эти острова составляют территорию неприсоединившегося государства с демократическим правительством, которое приобщает мальдивцев к реальностям реактивного века. Пожалуй, это единственная в мире страна с таким обилием разрозненных клочков земли, что подсчеты никогда не сходятся, и до сих